

**ДНЕВНИК ПЕТРА
НИКОЛИНА – УЧЕНИКА
ИРКУТСКОГО ЕГЕРЯ
ВТОРОГО РАНГА
КУЗЬМЫ ДАНИЛОВИЧА
ХМЕЛЕВА.**

Анна Коваль

**Дневник Петра Николина
– ученика иркутского егеря
Кузьмы Даниловича Хмелева**

«Издательские решения»

Коваль А.

Дневник Петра Николина – ученика иркутского егеря Кузьмы Даниловича Хмелева / А. Коваль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900254-9

Дневник Петра Николина — это повествование об ужасных созданиях, которые населили наш мир после Конца Света. Теперь миром правят не люди, а Нечистики — лесные заглоты и кикиморы, блукачи-кровососы, водяные черти, безглазые заболотники и прочие жуткие создания. Они — полноправные хозяева Земли, а люди, выжили лишь потому, что им противостоит Министерство Московских Егерей, среди которых — величайший егерь всех времен и народов Кузьма Данилович Хмелев и его ученик Петр Николин.

ISBN 978-5-44-900254-9

© Коваль А.

© Издательские решения

Содержание

699 год от второго сотворения мира. 15 марта. 16 часов пополудни	6
699 год от второго сотворения мира. 21 марта. 10 часов утра	7
699 год от второго сотворения мира. 10 апреля. Ранее утро	9
699 год от второго сотворения мира. 14 апреля. 10 часов утра	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дневник Петра Николина – ученика иркутского егеря Кузьмы Даниловича Хмелева

Анна Коваль

© Анна Коваль, 2017

ISBN 978-5-4490-0254-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

699 год от второго сотворения мира. 15 марта. 16 часов пополудни

Читал книгу деда Кузьмы. Разделы, касающиеся лесных нимф, кикимор и русалок. После изучения книги снова ловил в шкафу Небоську и отвечал на дедовы вопросы о самарских водяных чертях. Дед Кузьма требовал полного ответа – такого, какого, обычно, требуют от поступающего на Императорские московские курсы егерей. Пришлось отвечать, хотя после ночной охоты на лесное Заморочило очень хотелось спать.

Вкратце ответ деду Кузьме звучал так (дед Кузьма установил правила, по которым все его вопросы и свои ответы я должен тщательно фиксировать в своем дневнике) – водяной самарский черт размером не превышает черта лесного, но существенно отличается устройством и формой своих рогов. Рост взрослого водяного черта – 1,5—1,8 метра, еще 1,2 метра приходится на мощный хвост со здоровенным костяным утолщением на конце, здорово смахивающим на еловый шишак.

Рога у самарского водяного черта так близко сходятся друг к другу, что, кажется, будто растут из одного места. Ежегодные рубцы или годовые кольца ясно видны.

Следует также упомянуть об оренбургском карликовом водяном черте, который меньше самарского водяного черта раза в два, но в сто крат его злее. От одной, весьма кратковременной встречи с ним у меня остался длинный шрам на груди и постоянные издевки деда Кузьмы, который не уставал насмехаться надо мной и говорить, что тогда, при встрече с оренбургским чертом я походил на жука, наколотого иглой на деревяшку. Собственно, виноват во всем был я один – не предпринял нужные меры предосторожности, полагающиеся при охоте на подобных нечистиков, за что и поплатился двумя своими ребрами и частью легкого.

699 год от второго сотворения мира. 21 марта. 10 часов утра

В соседней деревне Выдрино сбесился очередной домовый и дед Кузьма, вызванный умирять «волосатого пьяницу», взял меня с собой. Путь был не близкий, и пока мы доехали, меня успели основательно утомить заунывные вопли лесных изнытей и заморочило. Дед Кузьма на эти пронзительные завывания, визги, стоны и хрипы не обращал никакого внимания и даже успел ненадолго вздремнуть. Мне же он спать запретил и велел следить за выдринским мужиком, правящим выдринской же тарантайкой, сказав, что вопли заморочило сводят некоторых людей с ума и они способны завезти себя и своих попутчиков в гибельную трясиину Черницовых болот.

Мужичок оказался крепким и с катушек не съехал, только сделал пару лишних кругов вокруг Чернецова болота и получив от меня увесистый тычок в спину, быстро пришел в себя и доставил спящего деда Кузьму и меня в целости и сохранности в деревню. У меня же от этих воплей целый день кружилась голова и дрожали руки, отчего я плохо сплел отводное чучелко для бешеного домового и получил нагоняй от деда Кузьмы.

Отругав меня как следует и обозвав безруким лентяем, дед Кузьма сам сплел отводное чучелко и мы отправились к тем людям, к которым нас вызывали. Там, прямо посреди двора, огромный домовый, нажавшийся где-то кислых щей и оттого впавший в бешенство, сцепился с таким же огромным баннным чертом.

Черт налетел на домового, бил его своими рогами и проворно отскакивал. Домовой ревел и крушил деревянный забор, долбил ведром по земле, скреб когтями бревенчатую стену бани (оттого банный черт и выскочил наружу), с размаху прыгал на резное крыльцо избы, отчего оно жалобно скрипело и трещало.

При виде меня и деда Кузьмы домовый перестал ломать крыльцо, опустился на свой толстый лохматый зад, уставился на нас, оскалил желтые кривые клыки и оглушительно заревел. Ревел домовый до тех пор пока не охрип (где-то внутри избы, скорее всего в подполье – там горазды прятаться в таких случаях деревенские) раздался испуганный детский плач, женское визгливое причитание и хрипялая мужская ругань (деревенские мужики не видят нечего зазорного в том, чтобы прятаться вместе с бабами и детьми, считая что разбираться со сбесившимися дворовыми нечистиками обязаны именно министерские егеря, которым они каждый год платят Десятину)

Проревевшись, домовый помотал лохматой башкой и принялся. Из открытого сарая вылезла потревоженная его ревом глотиха и неторопливо направилась через двор к широкому лазу, прорытому под забором. Этим лазом по весне пользовались многие дворовые нечистики, в числе которых была и глотиха. Глотиха неторопливо шествовала мимо домового, ее длинный полосатый, похожий на кошачий, хвост тащился по земле. Домовой хрюкнул, алчно клацнул зубами и попытался придавить хвост глотихи лапой. Глотиха остановилась, зашипела как рассерженная кошка, выгнув при этом спину, украшенную серыми мраморными разводами, ее пасть широко распахнулась и оттуда вывалился длинный красный горловой мешок. Он то сокращался, то увеличивался до размеров футбольного мяча. Домовой заинтересовался этим странным предметом и протянул к нему лапу.

Однако подцепить когтями его домовый не успел, мешок вдруг лопнул сам, окатив домового едкой, исходящей паром кислотой. Домовой пронзительно завизжал, отчаянно затряс башкой и кинулся тереться мордой об землю, оставляя на ней куски кожи и пучки жестких коричневых волос.

Пока домовый выл и катался по земле, глотиха важно прошествовала через двор до забора, нырнула в лаз и была такова. А так как стояла ранняя весна, то через месяц-другой можно было ожидать что также важно, как и ушла, глотиха вернется из лесу в сопровождении обширного выводка розовых (чем-то похожих на крошечных поросят) маленьких глотих.

Пока дед Кузьма выманивал со двора домового (успешного полностью регенерировать, то есть отрастить новую кожу и длинную шерсть), мне удалось как следует рассмотреть банного черта, оказавшегося помесью водяного самарского черта и обыкновенного деревенского банника. Данный банный черт несколько выше и сильнее своего московского собрата и ничем не уступает ему в кровожадности – при недолгой голодовке способен впасть в некое исступление и грызть от ярости стены и пол бани. В обычном же состоянии нападает в основном на лесных крыс и мелких хищных нечистиков, нередко заползающих из леса в деревню.

Вообще, следует заметить, что иркутские банники отличаются от московских более длинным узким рылом, двумя рядами острых плотоядных зубов, которые не стачиваются у банника даже в самом преклонном возрасте и длинными витыми рогами, которыми банник пользуется не так часто, в основном только тогда, когда схватывается с добычей, превышающий размер обычной лесной крысы (1,2—1,4 метра).

Как-то выдринские мужики даже рассказывали что их банники не боятся задира́ть речных глездалок, обитающих в местной реке. Эти глездалки невероятно огромные – отъелись еще при прошлогоднем наводнении, когда в реке утонуло стадо коров и теперь представляют собой гигантских речных нечистиков чем-то похожих на морских кальмаров, достигающих размеров в 10 и более метров! Рекорд для подобного вида нечистиков не побитый даже министерскими лабораторными глездалками, выведенными по проекту «С» («Супернечисть»).

Как не хотелось мне отпроситься у деда Кузьмы сбегать на речку посмотреть местных глездалок-рекордсменок, я не на минуту не забывал о нашем деле, тем более что оно затягивалось и сбесившийся домовый, то и дело обуреваемый приступами бешенства, оглушительно ревя и роняя из широко раззявленной клыкастой пасти клочья пены, принимался носиться по двору, крушить забор, выворачивать из земли вкопанные бревна, к которым привязывали только что купленных и еще не объезженных диких костриюков, пяточников и мордашей. Иногда домовый останавливался, вздрагивал, скулил и облизывался, а затем вскидывал голову вверх и выл жутко и пронзительно.

Деда Кузьму вой домового не испугал. Он ловко перегнулся через забор и метнул свое отводное чучелко в домового. Чучелко перелетело через весь двор и стукнуло домового по его огромной широколобой башке. И хотя чучело было сплетено из соломы и почти ничего не весило, домовый захрипел, закатил глаза и рухнул навзничь, словно его долбанули по башке тяжелой свинцовой чушкой.

699 год от второго сотворения мира. 10 апреля. Ранее утро

Два часа ловил в шкафу деда Кузьмы Небоську. Помогал мне в этом нелегком деле Мутяня – новый домовой деда Кузьмы, целиком залезший в шкаф и оглушительно ревевший там не менее 15 минут.

После такого полновесного «сеанса оглушения» из шкафа стали вываливаться почти полностью оглохшие домашние нечистики деда Кузьмы – платяные крутилки, охапники и изушники.

И если крутилки, то бишь платяные недомоли, были мелкими и невзрачными, или, как сказал дед Кузьма «не отъевшимися» (поди —отъешься, когда в шкафу из одежды только задубевший дождевик и кирзовые сапоги), то охапники оказались отменными – крупными, с длинным упитанным туловищем, с удлиненной мордой, с редкой в иркутской области окраской – пепельно-серой, испещренной яркими белыми и оранжевыми пятнами.

Изушников же набралось целых восемь особей – стройных созданий с тонкими конечностями, удлиненной головой, высоким лбом и огромными глазами. Изушники являются наиболее малоизученным видом деревенских нечистиков. Никто не знает, почему изушники то разводятся в больших количествах, то почти полностью исчезают, почему предпочитают жить то в подвале с темными, то есть норными нечистиками, то на чердаке с летающими нечистиками, а то и в шкафу с недомолями. Почему зимой в самый лютый мороз выбираются из избы на улицу и проводят там целую ночь, сплетаясь лапами и хвостами, почему иногда их шерсть из серой становится белоснежной или наоборот, угольно – черной.

Кроме охапников, недомолей и изушников в шкафу деда Кузьмы никого не оказалось. Небоська, по словам деда Кузьмы, весьма внушительная и немолодая особь, разучившаяся как следует прятаться, должна была быть обнаружена мной еще на прошлой неделе, но кроме ее нескольких длинных шерстинок (по которым можно было с уверенностью сказать, что Небоська действительно старая и почти полностью поседевшая особь) я ничего не обнаружил.

Сильно расстроенный я сел отвечать на «Приблизительные экзаменационные вопросы», которые дед Кузьма специально выписал из Егерского Министерства. Экзамен в этом году, как сказал дед Кузьма, ожидается сложный. На нем будет присутствовать не менее пяти высших министерских чиновников и еще более двух десятков мелких чиновников. Вопросы будут, как всегда, не менее трехсот и на каждый из этих вопросов, экзаменуемый должен дать «полный, исчерпывающий ответ».

Я полистал толстую пачку «Приблизительных экзаменационных вопросов» и не глядя вытянул один из листов. На нем значились следующие вопросы:

– Куда впивается своей жертве безглазый заболотник? (В заплечье, в крестец или в поясницу?)

– Где речные булдырники устраивают ночную лежку? (На льду, настывающем у берегов в заморозки, в прибрежной воде или на заплеске?)

– Как выглядит заморочило лесное и заскорюзлик заплечный? Кто из них любит прятаться в орешнике и подвывает по ночам?

– Как вы предполагаете вести себя с Ночным возилкой? (Покормить его хлебом, напоить водой или забросать грязью?)

– Знаете ли вы места ночевки знобышей и умеете ли вы на глаз определять размер специального носка-каплетки пригодного для поимки той или иной особи знобыша? (Камышового, болотного, лесного).

– Умеете ли вы читать следы песчаной Можухи и знаете ли на какую приманку можно заманить песчаную Можуху в ловушку?

– Способны ли вы определить, где в платяном шкафу прячется Небоська и способны ли вы поймать ее за прихвостье с первого раза?

– Как отзывается на манок Радужный круглыш и Крошутка синехвостый и какой из этих видов нечистиков умело маскируется под лесных перекаатунчиков и кучерявок?

Ничего трудного в этих вопросах (за исключением вопроса о Небоське) не было, поэтому я принялся записывать ответы сразу на чистовик – в особые «пробные» экзаменационные листы, которые для меня припас дед Кузьма.

На первый вопрос я написал следующий ответ: Заболотник безглазый чаще всего впивается человеку в поясницу, так как имеет низкий рост и большой горб из-за которого дотянуться до более высоких мест на теле человека ему весьма проблематично. Заболотник нападает на человека редко, больше сидит в болоте и по ночам громко чвакает. В случае же нападения заболотника на человека – у последнего почти всегда случается эпилептический припадок, длящийся от 3 до 8 часов либо человек впадает в ступор. Если в это время не ввести человеку особую сыворотку, он превратится в заболотника.

Наиболее часты нападения заболотников на людей во время наводнений – на низменных территориях смешанных лесов лиственных пород и в тех местах, куда редко заходят министерские отряды егерей-охотников, отстреливающие наиболее опасные виды диких нечистиков.

Можно также сказать, что известны случаи, когда некоторые, по словам деда Кузьмы «оригиналы», а по-моему так просто – дураки, заводили заболотников в своих садах и парках, вместо сторожевых псов. Конечно, для этого нужно было развести приличную сырость – например, круглые сутки не выключать поливочную систему или устроить какой-нибудь неглубокий водоем, а проще – вкопать в землю огромную емкость и наполнить ее гнилой болотной водой.

Сторож, конечно, из заболотника неплохой. Стоит слуху об этом нечистике, поселившемся на территории того или иного помещичьего особняка или городской дачи, пойти по округе, как воры, всех мастей и категорий, обходят эту дачу или особняк стороной, но случилось и так, что даже хорошо выдрессированный и натасканный заболотник, не обращал никакого внимания на ораву воров и разрывал в клочья собственного хозяина.

Написав о заболотнике, я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Небо уже начало светлеть, ночные нечистики потихоньку расплзались по своим норам – осинники, покидающие свои норы к полуночи и заявлявшиеся на крестьянские огороды воровать сладкую морковь и репу, уже уползли в ближайшую осиновую рощу, в которую местные бабы ходят собирать грибы.

Зеленолицые Потешники, (Потешы) хохотавшие всю ночь напролет на высокой крыше двухэтажного дома купца 1 гильдии Иващенко Никифора Терентьевича, не давали спать его красивой и весьма дородной супруге Матрене Ильиничне, отчего Никифор Терентьевич (почетный гражданин стольного града Москвы!) не единожды за ночь выходил на улицу и ругал Потешников последними словами, заставлял своего холопа Митяя пугать нечистиков особыми трещотками и пугалищем – толстопузым страшилищем, одетым в старую рубаху Никифора Терентьевича, в его старые же штаны и картуз и вооруженным морковным ружьем —пукалкой.

При виде пугалища Потешники бесновались пуще прежнего – истерично хохотали и визжали, носились по крыше, показывали Никифору Терентьевичу и его холопу свои длинные языки и срамные места, едва прикрытые редкой зеленой шерстью.

От подобного зрелища Никифор Терентьевич багровел лицом, топал ногами и приказывал палить по нечистикам из настоящего боевого ружья, подаренного ему на 50-летний юбилей другими почетными гражданами стольного града Москвы – купцами 1 и 2 гильдии Перепелкиным Иваном Силычем и Кузькиным Павлом Григорьевичем.

Дюжий холоп с большим рвением принялся палить по Потешникам, вдребезги разнося дорогую красную московскую черепицу. Потешники на выстрелы не обращали никакого внимания.

Я знал, что для того чтобы изгнать Потешников, достаточно поймать одного из них и выкупать в ивовом, осиновом или липовом корыте. Корыто должно быть окрашено матурой (красным красильным корнем), а затем сожжено в печи. Причем жечь корыто надо на Зимнюю Матрену – 9 ноября, ровно в полдень.

Купание в корыте – не единственный способ избавления от Потешников, есть еще и Надолбы – вкопанные в огороде столбики из той же осины, ивы и липы, к которым привязывают мешок с черствым караваем. Отчего-то, съев этот каравай, Потешники всей стаей покидают деревню и не возвращаются в нее, пока Надолбы не сгниют или не будут кем-то выкопаны из земли.

699 год от второго сотворения мира. 14 апреля. 10 часов утра

В прошлые субботу и воскресенье, мы с дедом Кузьмой проводили вакцинацию деревенских нечистиков у старой барыни Глинской Евдокии Евлампиевны (прозванной за «добрый нрав» крестьянами Ведьмой). Барыня недолюбливала нечистиков, называла их лиходеями прилюдными, адскими тварями и отродьем подколодным, на которое не стоит тратить драгоценную вакцину. Но тратиться все-же ей приходилось, так как на руках у Егермейстера Трофимцева Романа Евстигнеевича (крепостного крестьянина Глинской, обученного на Высших Министерских Егерских курсах), специально прибывшего из Иркутска, было монаршее постановление, из которого значилось, что все бояре обязаны следить за здоровьем «нечистых тварей» и не допускать мора, который может перекинуться и на крепостных крестьян, имеющих у Глинской в количестве не менее 1500 душ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.